

С В Е Т И Т Е Н И

Джеймс Олдридж размышляет
над судьбами современной
английской культуры

3 А НЕСКОЛЬКО месяцев до своей смерти Джон Брейн (1922—1986 годы), этот один из самых первых представителей литературного движения «рассерженная молодежь» (его началом считается премьера пьесы Джона Осборна «Оглянись во гневе» (1956 год), в которой показана английская молодежь, с горечью и презрением отвергающая традиционные буржуазные ценности, но не видящая целей, за которые стоит бороться. — Ред.), решил продать свои дневники, которые вел на протяжении тридцати лет, потому что ему были необходимы деньги для приобретения своей крыши над головой. Он уже был тяжело болен и совершенно одинок. «Заброшенный и разочарованный», как написал о нем один репортер, он ютился в снятом им подвале дома в Лондоне. Накопления его растаяли, и он заявил журналисту, что хочет быть «независимым». Брейн добавил, что потерял всякий интерес к политике и даже подумывает отказаться от чтения газет.

— Когда я вижу на экране телевизора умирающих с голоду ребят и знаю, что сюжет будет тяжелый, то переключаюсь на другую программу, — сказал он.

Странная эпитафия для «гневно-молодого человека»! Брейну было 64 года, и движение, неотъемлемой частью которого он являлся, оказалось уже мертво не только, так сказать, в его собственном лице, но и в литературе, драматургии и общественной жизни Англии. Иными словами, «рассерженная молодежь» превратилась ныне в стариков. Все они без исключения воссоединились с обществом, на которое когда-то были столь рассержены. Большинство из них в политике сдвинулись далеко вправо: а многие даже утратили присущее им когда-то критическое любопытство к глубинной природе того общества, в котором они ныне вращаются. Зачастую горечь — это все, что у них осталось.

Причина, по которой мы вспоминаем этих талантливых писателей и драматургов, равно как и критиков и режиссеров, входивших в движение пятидесятых годов, состоит в том, что с того времени ничего подобного в нашей социальной жизни не наблюдалось. Из всех других культов, которые, возможно, отражали и сущность поколения и его подход к действительности, движение «рассерженной молодежи» больше всего нам напоминал культ «Битлз». А с той поры единственным отражением того настроения и тех чувств, которые обуревают определенные социальные круги, стал достойный сожаления и лишенный какой-либо перспективы культ панков.

Интересно, однако, отметить, что все эти движения в конце концов были «приручены» средними классами, или, лучше сказать, они просто все выше и выше поднимались по социальной лестнице. Даже панки, которые появились на свет как печальное самовыражение деклассированных жертв общества, утративших все надежды обрести в нем свое место, даже они вошли в моду в высших социальных слоях. Волосы «ежиком» мало-помалу превратились в респектабельные

Известный английский писатель и общественный деятель в публикуемом ниже очерке, написанном по просьбе нашей газеты, знакомит нас с современной культурой Великобритании, рассказывает о ее подлинных и мнимых ценностях, о трудной судьбе мастеров литературы и искусства, которые отстаивают самобытные национальные традиции перед лицом натиска американской массовой псевдокультуры.

прически, творимые дорогими парикмахерами, а одежды, столь же намеренно неряшливые и отвратительные, сколь и нарочито мерзкая музыка панков, стали «стилем», который лишь сейчас начал постепенно исчезать из ателье модных портных. Однако хотя движение панков все еще играет определенную роль в мире нашей моды и в поп-искусстве, оно так и не получило места в глубинных слоях нашей культуры, так и не захватило целое поколение, вдохновив его на что-либо значительное; в лучшем случае многие панки разделяли антивоенные настроения и с охотой принимали участие в демонстрациях против ядерной бомбы.

Ныне, при отсутствии того, что можно было бы охарактеризовать как «культурную волну» или хотя бы как тенденцию, способную сказать новое слово в литературе, драматургии и искусстве, самая достоверная оценка создавшегося положения может основываться только на его сравнительном анализе и сопоставлении критических точек зрения на ситуацию в области культуры.

«НАСТОЯЩИЙ КРИК ОТЧАЯНИЯ»

МНЕ представляется бесспорным начать подобный анализ с театра. В настоящее время лондонские театры переживают период, о котором критик из «Гардиан» Майкл Биллингтон отзывался как об «одержимости» американской драматургией. По мнению Биллингтона, это вызвано стремлением англичан «уйти от реальности времени и их тягой к драматургии, которая обещает хотя бы крупицу надежды. Существенное значение имеет тот факт, что все американские пьесы, предлагаемые ныне английскому зрителю, так и пышут оптимизмом».

Именно здесь коренятся причины этого попятного движения к довоенным пьесам, хотя, добавляет критик, ни один современный английский драматург просто не в состоянии положить на бумагу те слова надежды, которые заканчивают одну из пьес Артура Миллера. И Биллингтон приходит к выводу, что американская драматургия популярна в Англии в силу того обстоятельства, что «она предлагает уверенность вместо сомнений, веру вместо отчаяния, уважение к себе как

к нации вместо отвращения к самим себе...» Тем не менее Биллингтон вынужден признать, что хотя он «целиком за импорт американских пьес», но «все-таки надеется, что они не станут предлогом, оправдывающим неспособность схватить суть нашего нынешнего недовольства собой и обществом».

Что же это такое — «наше нынешнее недовольство»? Быть может, это и есть тот самый главный вопрос, которым мы задаемся, когда оцениваем состояние нашей культуры.

Один из проведенных недавно опросов общественного мнения показал, что 89 процентов опрошенных считают современное английское общество «неуправляемым», поскольку в нем «всякий стоит лишь за себя самого», и полагают, что страна охвачена повсюду махрового эгоизма. На следующий вопрос 75 процентов заявили, что правительство не смогло сделать ровным счетом ничего для того, чтобы сократить разрыв между богатыми и бедными. Для страны, в которой почти четыре миллиона безработных, такой ответ — самый настоящий крик отчаяния. Такая ситуация обязательно должна отразиться в культурной жизни страны, даже если это отражение носит суженный и ограниченный характер.

Следует, правда, признать, что Англия сейчас переживает этап политической и социальной трансформации, который ломает наш образ жизни в гораздо большей степе-

ни, нежели это сделали другие перемены, через которые мы прошли на протяжении последних пятидесяти лет, а быть может, и за более долгий срок. Наша имперская мощь — когда-то огромная и пренеполненная уверенности в себе — переживает закат, а страна, породившая индустриальную революцию, насильственным образом превращается в вочину финансовых игроков, промышленников, маклеров-хапуг и коррумпированных биржевых воротил. Их жадность (это малопочтенное слово сейчас широко в ходу) разрушает установившуюся социальную и промышленную базу Англии. Хуже того, она наносит глубокие раны каждой клеточке нашей общественной жизни, сводя на нет то лучшее, что было в нашем социальном законодательстве и что когда-то делало Англию «страной надежд». Отсюда и слова Биллингтона: «Наше нынешнее недовольство».

Подобная трансформация нашей общественной и экономической жизни проявляется ныне настолько наглядно, что всякий вправе ожидать какого-то ее отражения в литературно-художественном творчестве. И хотя существует множество блестяще написанных пьес, книг, снято немало замечательных фильмов и созданы другие произведения английской культуры, ее мастера все меньше и меньше обращаются к окружающей нас реальной жизни, все меньше схватывают общественные настроения, принимающие или отвергающие нашу социальную болезнь.

КТО «ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ»?

В СУЩНОСТИ, нынешняя ситуация в области культуры имеет в своих истоках наше экономическое положение, поскольку оно ощущимо сказывается в области литературы, искусства, драматургии, телевидения и кинематографа. То, что происходит сейчас, невозможно оценить, не выяснив, где начинаются некоторые из проблем — экономически и политически. Именно здесь отражается психология того недуга, который охватил сейчас нашу культуру. Так что с полным основанием можно начать с анализа тех сфер, где в расчет принимаются только деньги, где говорят в полный голос деньги, где диктуют свою волю опять-таки деньги.

О чьих деньгах мы говорим? И кто с их помощью «заказывает музыку»?

Всякий, кто у нас в Англии намеревается снять фильм, сразу же сталкивается с этой проблемой. Ему предстоит не только изыскать возможность привлечения частного капитала для финансирования постановки, но еще и взять в расчет позицию прокатных компаний, которые хотя и являются самостоятельной структурой, однако тоже оказывают существенное влияние на то, какой именно

фильм будет снят и показан публике. Так что взгляды и психологию влиятельных кинопрокатчиков со счетов не сбрасывай. А кто же там заправляет?

В Англии насчитывается несколько крупных прокатных компаний, но недавно два израильских кинодельца — двоюродные братья Голан и Глобэс — скупили половину всех кинотеатров — 432 экрана, а перед этим захватили пятьдесят процентов кинорынка ФРГ и Голландии. Сейчас в Лондоне едва ли не каждый киноэкран принадлежит им через фирму «Кэннон». Они и распространяют и финансируют главным образом американские фильмы.

Выступая недавно со статьей в газете «Гардиан», Линдсей Макки писал, что «Кэннон» утвердила за собой «непоколебимую репутацию производителя истинно ужасных лент». Рассказывая об одном из фильмов собственного производства под названием «Желание смерти — III», сам Менахем Голан признал: «Это очень жестокая картина. Речь там идет о третьей мировой войне. Ни в одном другом фильме нет такого числа сцен насилия». А Дерек Малколм, комментируя другой фильм («Кобра»), снятый братьями, писал в «Гардиане» так: «Я посмотрел «Кобру», которая ничуть не уступает Сильвестру Сталлоне, и очень жалею, что сделал это. Режиссер фильма — Джордж Пан Косматос, Голан и Глобэс — продюсеры, и всем им должно быть стыдно перед самими собой. Это действительно чрезвычайно гадкая картина, более чем достояние всяческого порицания».

Чтобы как-то дезавуировать свою репутацию поставщика насилия, «Кэннон» делает некоторое количество лент об искусстве, а также демонстрирует какое-то число очень хороших американских картин, но тот же Линдсей Макки задается вопросом: как долго еще нам придется смотреть «киношваку «Кэннон» и не останется ли «Кэннон» в памяти зрителей как поставщик бесконечной череды лент типа «Желание смерти — III»?

Словом, англичане смотрят «Рэмбо» и еще сотню других ему подобных фильмов насилия, а несколько хороших лент лучших кинорежиссеров страны просто потонули в этом потоке. Отдельные снятые в Англии картины, — такие, например, как получившая признание «Комната с видом из окна», — высокохудожественные произведения. Но несколько из наших лучших фильмов сняты на американские деньги, поскольку в Англии средств для их финансирования просто не нашлось.

В любом случае всякий английский фильм, претендующий на успех, должен получить хороший прием в Америке, в стране денег, и это обстоятельство тоже определяет, какие именно картины мы снимаем. Никто даже вида не подает, будто обстановка складывается как-нибудь иначе. Великолепная лента «На золотом пруду» считается английской, но тем не менее она снималась с расчетом именно на Соединенные Штаты. Она об Америке и американцах, и главные роли в ней исполняют три американские «звезды». «Огненные колесницы», фильм о жизни одного из наших университетов, был английским, но и он был сделан в расчете на зрительскую аудиторию в Соединенных Штатах.

Тем не менее более скромные и более дешевые постановки лент, полностью снятые на собственные средства, — такие, как «Девушка Григориса», пользуются заметным успехом и демонстрируются по всей Англии. Поначалу у них были трудности с выходом на экран, но они все-таки пробили глухую

Группа «Битлз» — слава и символ английской поп-музыки 60-х годов, получившей благодаря им всемирное признание. Даже сегодня, после гибели одного из «битлов», Джона Леннона, интерес к творчеству «Битлз» не ослабевает среди молодежи нового поколения.

Фото «Юманите», Париж.

стену бойкота и заняли подобающее им место, пробудив интерес у достаточно обширной аудитории, чтобы сделать их прокат выгодным. Помогла им и благожелательная позиция кинокритиков.

Завершая разговор о фильмах, скажу, что перспективы кинематографии весьма туманны, и не потому, что у нас не хватает талантов или мы снимаем серые ленты, а в силу того, что продюсерам и режиссерам приходится за деньгами обращаться к Америке. А если принять во внимание еще и трудности с прокатом, который находится под столь жестким контролем фирм типа «Кэптон» и других ей подобных, то мне порой представляется просто невозможным, чтобы английская кинематография поднялась на достойную высоту.

«ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ»

Я ПРИВЕЛ лишь один пример тех проблем, перед которыми стоят наши кинематографисты, но пример весьма важный. Бессмысленно также пытаться приписать все то плохое, что бывает в стране, американскому проникновению или влиянию. Но считаться с этим в наше время надо обязательно — даже в издательском деле. Одно из первых требований к художественной книге (впрочем, и любой другой), к ее автору состоит в том, что книга должна быть такой, чтобы могла найти и американского издателя. Очевидная причина этого — необходимость разделить расходы по изданию и расширить читательскую аудиторию. Правда, требования такое выдвигается не всегда, но, как правило, издатель очень этого хочет, и бывают случаи, когда их требование просто непреложно.

Издательское дело в Англии, однако, находится в руках гигантских английских — а не американских — корпораций. Традиционно многие английские издатели действовали на индивидуальной основе, но теперь почти все они перекуплены крупными компаниями, которые, в свою очередь, куплены еще более крупными, и в большинстве случаев крупнейшие и наиболее важные издательства находятся во владении корпораций, которые в общем-то не имеют ровно никакого отношения к издательскому делу. Это просто «киты» большого бизнеса, у которых на уме не благородное дело издания книг, а только прибыли.

Несколько лет назад двое весьма известных представителей издательского мира Лондона договорились организовать на основе партнерства совместное дело. Это были Андре Дойч и Том Розенталь. Дойч был к тому времени уже весьма уважаемым независимым издателем, а Розенталь — исполнительным директором издательства «Теймс энд Хадсон», а затем председателем совета директоров другого хорошо известного издательства — «Сэкер энд Уорбэрг». Розенталь оставил свой пост ради союза с Дойчем, поскольку его роль творческого издателя малопомалу сводилась к нет требованиям крупной корпорации и ее инвесторов. Преемник его издательства перешло в руки крупной финансово-инвестиционной фирмы ВТР, а в самой ВТР наиболее влиятельным вкладчиком была крупнейшая страховая компания Англии «Пруденшл». Розенталь, как он говорит, ушел потому, что «оказался всего-навсего старшим издателем, вдруг обнаружившим, что выпускает книги, которые потрафляют вкусам дельца из «Пруденшл», вложившего свой капитал в ВТР».

Такая «комбинированная» корпорация назначает своих бухгалтеров в принадлежащие ей издательства на должности членов правления и вменяет им в обязанность

следить, чтобы в первую голову проявлялась забота о прибылях и сверхприбылях, а уж только потом — о нуждах литературы. Для молодых авторов это катастрофа. В прежние времена издатели пестовали молодого писателя, зная, что через пару лет он может стать широко читаемым автором. Такой всегда оставалась традиция, благодаря которой были вскормлены многие наши ведущие художники слова. Теперь уже не то. Как сказал Розенталь, издатели ныне потрафляют вкусам инвесторов и «человека из «Пруденшл».

Впрочем, его жалобы — это в наши дни глас вопиющего в пустыне. Ведь книги известных авторов и сейчас все еще выходят значительными тиражами и раскупаются, появляются новые имена и добиваются успеха новые писатели, наши книжные магазины предлагают богатый выбор новых названий. Но вот отражает ли наша литература что-либо из широкой панорамы британской жизни — это, как говорится, вопрос.

Как бы там ни было, но наша современная литература на серьезном уровне занимается животрепещущими проблемами куда слабее, чем в любой другой период нашей истории. У нас есть Грэм Грин, но у нас нет Голсуорси, Кронин, Честертонов, Моэмов, Беннеттов. Говоря это, я вовсе не призываю наших писателей тотчас же писать исключительно на современные и местные темы или ринуться в исследование последних по времени феноменов нашей общественной жизни. Не это нужно. В сущности, слишком большое число молодых авторов так или иначе занимается именно этим, а результат — быстротекущая популярность или вспышка сенсационного интереса публики, и на этом все заканчивается.

ТРУДНОПРЕОДОЛИМАЯ БОЛЕЗНЬ

ЧЕГО действительно не хватает, так это художественных произведений, которые опережают свое время или пронизаны им до последней клеточки, а вовсе не таких, которые лишь пытаются догнать уходящий поезд действительности. Наши талантливые писатели создают вполне добротные романы, но если вы захотите указать на художника слова, который хотя бы немного приоткрыл над уровнем достаточного профессионально написанного произведения, то всякий вам скажет, что таковых сегодня у нас нет.

Даже про наши известнейшие литературные премии сейчас говорят, что они потворствуют самовластия коммерческого поветрия. Вот что пишет по поводу самой крупной и наиболее престижной литературной премии Англии, которая называется «Букер», профессор Борис Форд — издатель «Путеводителя по английской литературе», выпущенного в издательстве «Нью-Пеликан»: «Мнение, будто в списке произведений, получивших «Букер», находятся лучшие романы года, абсурдно. «Букер» — это коммерческий «толчок», а вовсе не серьезная попытка указать (для читателя) магистральный путь движения художественной литературы или открыть новую и многообещающую работу». Библиотекари из Дорсета согласились с мнением профессора Форда и начали публиковать свой собственный список книг, назвав его «Анти-«Букер». А профессор Ричард Хоггарт, написавший авторитетную книгу «Дело литературы» и сам в прошлом член жюри, присуждающего «Букер», заявил: «Весь этот ажиотаж вокруг «Букера» вреден для романа».

Лауреат этой премии, безусловно, получает немалые

У широкого английского зрителя заслуженным успехом пользуются спектакли на острые социальные темы. Одной из таких постановок является «Ростовщик и луна», осуществленная театром молодых актеров «Метро» в Шеффилде.

На снимках: сцены из этого спектакля.

деньги, славу и успех; присуждалась она и некоторым очень хорошим писателям. Но, как отметил Борис Форд, это отнюдь не «серьезная попытка указать магистральный путь движения художественной литературы или открыть новую и многообещающую работу». И в настоящий момент я даже не думаю, что эта премия хоть в какой-то степени отражает наше нынешнее недовольство жизнью.

Все, о чем я говорил выше, свидетельствует о том, что среди писателей и критиков, а также и среди издателей, живет понимание непреложного факта: «Подгнило что-то в датском королевстве». Существует по меньшей мере дюжина объяснений, отчего же созрел нынешний кризис. Но, на мой взгляд, все упирается в широко распространенную болезнь всего нашего общества, в болезнь, которую очень трудно понять и еще труднее преодолеть, — даже на уровне чисто теоретических рассуждений.

Если в нынешние времена нас понуждают думать и заботиться только о себе и если жадность превратилась в общественную мораль наших так называемых «лучших», то борьба против этой морали все еще не приобрела какой-то определенной формы в плане социально мотивированного отношения людей к действительности, не говоря уже об отношении к ней интеллектуалов вообще и литераторов в частности. Когда возникнет достаточно серьезное движение против этой морали крайнего и жадного индивидуализма во всем, тогда появятся у нас и литература, отражающая это движение, и сдвиги в издательском деле, позволяющие эту литературу печатать, и огромный читательский к ней интерес. А сейчас есть только социальная неразбериха, и именно по ее милости страдает наша литература, и именно вокруг нее начинают разворачиваться дискуссии и споры.

ПОЧЕМУ ХОТЯТ ЗАДУШИТЬ БИ-БИ-СИ

А ВОТ с телевидением дела обстоят несколько иначе. Оно тоже страдает от грубого заискивания коммерческого подхода и от недостатка чувствительности к социальному разброду. Против телевидения тоже действуют все силы социальной коррупции. Однако оно, вне всякого сомнения, ближе, чем любая другая форма искусства, подходит к тому, чтобы поведать нам что-то о нас самих.

В общем, считается, и не без основания, что английское телевидение — лучшее во всем западном мире. Оно представляет собой любопытную смесь. «Бритиш бродкастинг корпорейшн» (Би-би-си) существует на абонементную плату, вносимую владельцами телевизоров и, следова-

Фото «Морнинг стар», Лондон.

тельно, является общественной корпорацией. Правда, ее руководство назначается правительством. Есть и два коммерческих канала, приносящих огромный доход частным компаниям.

Обе эти составляющие английского телевидения выпускают известное число очень хороших передач, позволяющих всматриваться в наше общество гораздо пристальнее, чем это делает кто-либо иной, включая и художественную литературу. Но есть и нигде не годные программы.

Для телевидения пишут наши лучшие молодые писатели. Они хорошо известны, хотя по большей части мы и не помним их имен. Тем не менее и на Би-би-си и по обоим каналам коммерческого телевидения можно увидеть программы, которые и в самом деле представляют собой честный взгляд на нашу жизнь. Часто появляются превосходные пьесы о проблемах рабочего класса, а также обычного уровня пьесы из жизни «среднего класса», которые ближе стоят к реальным условиям общества, чем многие из писательских работ. Именно на телевидении были поставлены некоторые лучшие антивоенные пьесы и сериалы (как художественные, так и документальные) — отметим лишь один недавний сериал под названием «На рубеже тьмы», который в острой и драматической форме дал нам представление о темном и грязном бизнесе разработки ядерного оружия.

Однако и телевидение сейчас тоже проходит через полосу кризиса существования в своем нынешнем облике. Причем это прежде всего относится к Би-би-си. Людям со стороны зачастую трудно понять взаимопроницающие достоинства и недостатки этой корпорации. Но большинству еще труднее уяснить, почему нынешнее консервативное правительство, похоже, преисполнено решимости раздавить Би-би-си. Ну с какой, спрашивается, стати Уайтхоллу пытаться уничтожить весьма громко звучащий голос британского империализма? А причины между тем достаточно просты.

Би-би-си являет нам старый стиль имперского консерватизма тори, у которого были свои ценности, какими бы искаженными, с точки зрения большинства из нас, они ни являлись. Но новый правящий класс Англии — это класс политических нуворишей, класс честолюбивых и «рассерженных» молодых людей, дорвавшихся до власти; класс биржевых спекулянтов и игроков, занятых созданием новой структуры британского капитализма за счет насаждения в нем чудовищных финансовых конгломератов. Они в гораздо большей степени заинтересованы в том, чтобы вкладывать капитал за границей, нежели инвестировать его в традици-

онные отрасли национальной экономики.

Из этого следует, что старая основа английского правящего класса изменилась: комбинация феодального и индустриального богатства уступила место новой комбинации мужчин и женщин, у которых за спиной нет любезной сердцу старых тори традиции и которые создают свои состояния, используя финансовую структуру современного британского капитализма. Раскол между этими двумя фракциями тори почти абсолютен, а Би-би-си как раз и является одним из немногих остатков старого стиля, еще держащегося в жизни истэблишмента.

В силу того, что юридически Би-би-си — корпорация независимая, она еще сохраняет определенную долю самостоятельности, даже несмотря на то, что контролируется чиновниками, назначаемыми правительством. Недавно президентом правления Би-би-си правительство поставило некоего Дюка Хасси. Это «человек Мэрдока», и даже в очерке о нем, опубликованном такой газетой, как «Санди таймс», говорится, что Хасси известен как «убийца профсоюзов». Его прежний босс Руперт Мэрдок — теперь американец, владеет «Таймса» и ультраправый сторонник нынешнего британского правительства, — относится как раз к новому поколению истэблишмента. Поэтому и Дюк Хасси — новый тори.

Но даже в этих условиях продюсеры и режиссеры Би-би-си пытаются сохранить творческую независимость, что положительно сказывается на некоторых телепрограммах. Передачи радио Би-би-си на границу — это совсем другая статья, и, конечно, в данном случае она выступает как организация, представляющая весь аппарат власти и говорящая от его имени.

Но даже скромная независимость Би-би-си оказалась совсем не по вкусу новым тори. Недавно полиция совершила налет на помещения Би-би-си в Шотландии и конфисковала 6 программ под общим названием «Тайное общество», причем в первую очередь передачу, которая, дескать, ставила под удар нашу национальную безопасность. Редактор газеты «Скотсмен» Крис Барр, выступая по телевидению, сказал, что некоторые тори называют Би-би-си чуть ли не «предателем»!

Кончится все это тем, что в своем нынешнем виде корпорация прекратит существование и вместе с ней уйдет в прошлое последний рудимент старого стиля — респектабельный культурный голос господствующего класса; голос, который — не станем этого отрицать — питал некоторое уважение к нашей традиционной культуре, хотя наряду с этим и выражал интересы старой и совершенно безжалостной системы.